

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА НЕСОБСТВЕННИКА

В. А. БОЛДЫРЕВ*

Болдырев Владимир Анатольевич,
доктор юридических наук,
доцент, профессор кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Омской академии МВД России

В статье доказывается, что конструкция юридического лица несобственника предопределяет наличие у соответствующих субъектов права признаков: 1) отсутствия способности обладать правом собственности на любое имущество; 2) способности владеть имуществом на специфических титулах, не характерных для других юридических лиц, физических лиц и публичных образований; 3) специальной правоспособности, особенностью которой заключается в прямо сформулированных законом запретах на участие в договорных отношениях конкретных типов; 4) возможности совершения наиболее важных юридически значимых действий с согласия иного субъекта права (собственника имущества).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридическое лицо, публичное образование, оперативное управление, хозяйственное ведение, специальная правоспособность, согласие на сделку.

BOLDYREV V. A. CIVIL-LAW CONSTRUCTION OF A LEGAL ENTITY NON-OWNER

The article proves that the construction of a legal entity — non-owner determines the following characteristics of the corresponding right-holders: 1) lack of ability to hold an ownership title; 2) the ability to possess property on specific titles, not typical for other legal entities, natural persons and public institutions; 3) special legal capacity the peculiarity of which is the prohibition to enter the definite contractual relations expressly stipulated by the law; 4) the possibility to perform the most important legal actions with the consent of another right-holder (an owner).

KEYWORDS: legal entity, public institution, operative management, economic management, special legal capacity, consent to the transaction.

* Boldyrev Vladimir Anatolyevich — doctor of legal sciences, associate professor, professor of the Department of Civil-Law Disciplines of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

E-mail: vabold@mail.ru

© Болдырев В. А., 2014

Мышление современного юриста достаточно системно, оно базируется не на разрозненных нормах права и юридической практике, а на понимании сущности юридических институтов, органической связи норм, сплетенных в юридические конструкции различного порядка. Одной из таких правовых моделей, характерных преимущественно для стран постсоветского пространства, является юридическое лицо несобственник. Это эффективная гражданско-правовая конструкция, позволяющая непротиворечиво реализовать идею контролируемого единоличного управления организацией, созданной публичным образованием. В отличие от корпоративного управления, которому присуще наличие коллегиальных органов, контролируемое единоличное управление позволяет говорить о персональной ответственности руководителя за принятие важных решений, качество менеджмента.

Сущность юридических лиц, наделенных имуществом на праве оперативного управления и хозяйственного ведения, гораздо эффективнее раскрывается не через описание титулов владения, а через демонстрацию зависимости юридического лица от иного субъекта гражданских правоотношений — собственника имущества.

«Юридическая конструкция — это своеобразное построение прав, обязанностей, ответственности, типовая схема, модель, “скелет” и принципы действия, на которых построен данный “юридический материал”»,¹ — писал С. С. Алексеев, характеризуя юридическую конструкцию как общеправовой феномен. Здесь прослеживается сложность в определении явления, поскольку оно получает дефиницию не через признаки, приведение их в совокупности, а через синонимичные, точнее, близкие по значению категории. Автор приведенных строк выводит юридические конструкции на роль основных феноменов юридической действительности: «Именно юридические конструкции позволяют переплавить требования жизни, богатства опыта и достоинства разума в строгие, математически четкие и настроенные на дальнейшее совершенствование *построения* прав, обязанностей, гарантий и ответственности конкретных лиц, а через эти построения превратить важнейшие идеи и ценности в жизненную реальность».²

Н. Н. Тарасов, исследуя «роль и значение юридических конструкций как единиц юридического мышления именно в контексте юридических проблем»,³ пишет: «Сохраняясь со времен римской классики и приумножаясь в историческом процессе развития права, юридические конструкции обеспечивают то неизменяемое ядро юридического значения, которое сохраняет свое значение для юридической профессии любого времени».⁴ Сказанное дает ему возможность говорить о «роли юридических конструкций как метода исследования права».⁵

Не все юридические конструкции закреплены законом: «Если юридическая конструкция выражается, например, в организации нормативного материала и, в силу этого, является фактором определенного

¹ Алексеев С. С. Государство и право. Учеб. пособие // Собр. соч. В 10 т. М., 2010. Т. 8: Учебники и учебные пособия. С. 214.

² Алексеев С. С. Круг замкнулся // Там же. Т. 4: Линия права. Концепция: Соч. 1990-х — 2009 годов. С. 219.

³ Тарасов Н. Н. Юридические конструкции в праве и научном исследовании (методологические проблемы) // Российский юридический журнал. 2000. № 3. С. 27.

⁴ Там же. С. 30–31.

⁵ Там же. С. 36.

регулятивного воздействия, то ее следует расценивать как нормативную, а если та же конструкция используется в гносеологическом отношении, то она должна интерпретироваться как теоретическая».⁶

Теоретические модели могут реализовываться в законодательстве, становясь нормативными конструкциями, а предложенные нормотворцем новые юридические конструкции — получать осмысление со стороны ученых, приобретая тем самым научное значение.

Мышление современного юриста, вынужденного знать и закон, и практику его толкования, неизбежно становится «конструкционным». Именно юридическое лицо несобственник (а не оперативное управление или хозяйственное ведение, а равно не другие юридические категории, организационно связанные с рассматриваемой группой субъектов гражданских правоотношений) является той базовой юридической конструкцией, которая способна решать задачи научного осмысления права, эффективной законотворческой работы, способствовать должному пониманию и применению нормативных правовых актов. Именно конструкция юридического лица несобственника может рассматриваться и как нормативная, и как теоретическая, несмотря на то что термин «юридическое лицо несобственник» в законе отсутствует.

Абзац 3 п. 2 ст. 48 ГК РФ гласит: «К юридическим лицам, на имущество которых их учредители имеют право собственности или иное вещное право, относятся государственные и муниципальные унитарные предприятия, а также учреждения». Тем самым юридические лица несобственники не получают собственного терминологического обозначения, но рассматриваются как один из трех классов организаций, обладающих гражданской правосубъектностью. В дальнейшем законодатель, посвящая праву оперативного управления и праву хозяйственного ведения одну главу и консолидируя нормы так, что они относятся ко все тем же учреждениям и унитарным предприятиям, подтверждает существование самостоятельной юридической конструкции. Само по себе отсутствие в законе термина «юридическое лицо несобственник» не говорит об отсутствии юридической конструкции.

Приведенные выше суждения, будучи достаточно смелыми по своему содержанию, требуют отдельных доказательств, четких ответов на следующие вопросы. Как относиться к суждению о том, что юридическое лицо несобственник — это правовая конструкция, если юридическое лицо как таковое считается правовой конструкцией? Почему субъективные права (и правоотношения) хозяйственного ведения и оперативного управления не способны так же эффективно выполнять функции юридической конструкции? И, наконец, какие устойчивые признаки отличают конструкцию юридического лица несобственника?

«Гражданско-правовая доктрина в силу крайне высокой абстрактности и стремления к универсальности преимущественно сориентирована на одну из своих основных (также абстрактного характера) составляющих конструкций — конструкцию юридического лица, наиболее полно и четко отражающую отдаленность теоретико-юридической мысли от индивида»,⁷ — пишет С. А. Степанов.

⁶ Тарасов Н. Н. Методологические проблемы современного правоведения. Дис. ... д. ю. н. Екатеринбург, 2002. С. 302.

⁷ Степанов С. А. Цивилистика классическая и постклассическая // Развитие основных идей Гражданского кодекса России в современном законодательстве и судебной

Да, действительно юридическое лицо — это устоявшаяся, более широкая по объему и проверенная длительным временным периодом гражданско-правовая конструкция. Однако юридические конструкции существуют на разных уровнях, как отмечает С. С. Алексеев: «Нередко при решении вопросов, связанных с тем или иным случаем жизни, перед лицом сразу оказывается несколько *разнопорядковых* (курсив наш. — В. Б.) юридических конструкций, готовых к тому, чтобы начать “работать”».⁸

Доказательством различного понимания самого термина «конструкция», а также разнопорядкового характера конструкций являются названия цивилистических диссертаций и отнесение различных явлений к числу таковых. К конструкциям, в частности, относят конструкции инвестирования,⁹ владение,¹⁰ ценные бумаги,¹¹ коммерческое представительство,¹² публичный договор,¹³ договор ипотеки,¹⁴ «конструкция приобретения права собственности на недвижимое имущество».¹⁵

Таким образом, конструкция юридического лица занимает более высокий уровень (по степени абстрактности), чем конструкция юридического лица несобственника.

Причины, по которым право и правоотношение оперативного управления (хозяйственного ведения) являются менее универсальными конструкциями, чем юридическое лицо несобственник, сложны и взаимосвязаны. При этом подчеркнем: если говорить о советском периоде развития права, придется сделать вывод, что модель права оперативного управления больше удовлетворяла требованиям времени, ее исследование цивилистической наукой давало больший эффект (учитывая доминирование права оперативного управления и замкнутый характер экономики).

Первая причина, по которой конструкция юридического лица несобственника является более универсальной, чем конструкции права оперативного управления и права хозяйственного ведения (если таковые могут претендовать на роль конструкций вообще), заключается в существовании нескольких ограниченных имущественных прав, именуемых законодателем «вещными», которые присущи учреждениям и унитарным предприятиям. В настоящее время их три: право оперативного управления, право хозяйственного ведения и право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком.

практике. Сб. ст., посвященный 70-летию С. А. Хохлова / отв. ред. С. С. Алексеев. М., 2011. С. 92.

⁸ Алексеев С. С. Тайна и сила права // Собр. соч. В 10 т. Т. 4: Линия права. Концепция: Соч. 1990-х — 2009 годов. С. 219.

⁹ Майфат А. В. Гражданско-правовые конструкции инвестирования. Автореф. дис. ... д. ю. н. Екатеринбург, 2006. С. 17.

¹⁰ Зубарева О. Г. Владение и его конструкция в гражданском законодательстве Российской Федерации. Дис. ... к. ю. н. Ростов н/Д, 2003.

¹¹ Мурзин Д. В. Ценные бумаги как юридические конструкции гражданского права. Дис. ... к. ю. н. Екатеринбург, 2011.

¹² Сергеева-Левитан М. В. Коммерческое представительство как юридическая конструкция в гражданском праве. Дис. ... к. ю. н. Екатеринбург, 2008.

¹³ Левченко О. С. Конструкция публичного договора в российском гражданском праве. Дис. ... к. ю. н. Ростов н/Д, 2003.

¹⁴ Викторова Р. Н. Правовая конструкция договора ипотеки в российском законодательстве. Дис. ... к. ю. н. Рязань, 2011.

¹⁵ Волочай Ю. А. Гражданско-правовая конструкция приобретения права собственности на недвижимое имущество по договору: сравнительно-правовой анализ законодательства России и Германии. Дис. ... к. ю. н. Екатеринбург, 2010.

Вторая причина, по которой правоотношение оперативного управления (особенно в случае унификации имущественных прав унитарных предприятий) не может претендовать на роль универсальной категории, — неопределенность содержания данного имущественного права. Так, содержание права оперативного управления всех четырех типов учреждений (частного, казенного, бюджетного и автономного) различается. Подчеркнем, это различие наблюдается в рамках одной и той же организационно-правовой формы. Выделить общие признаки оперативного управления в таких условиях становится достаточно сложно.

Третья причина, по которой юридическое лицо — несобственника следует рассматривать в качестве более универсальной категории, чем правоотношение оперативного управления (хозяйственного ведения), условно может называться международно-правовой. Здесь можно сказать о наднациональном характере конструкции юридического лица несобственника, которая предполагает обладание имуществом публичного образования на ином по названию и содержанию праве, чем право оперативного управления. Так, в Китае титул владения имуществом, принадлежащий промышленному предприятию общенародной собственности, носит наименование «хозяйственное управление».¹⁶ Данный титул имеет сходные черты с отечественным правом оперативного управления, но имеет и различия. Следовательно, можно утверждать, что конструкция юридического лица несобственника понятна не только отечественным юристам, она является интернациональной.

Как это ни парадоксально, конструкция юридического лица несобственника обладает специфическим признаком — ограниченной способностью соответствующих субъектов права участвовать в гражданских правоотношениях, если речь идет об отношениях по поводу приобретения недвижимого имущества за рубежом. Если иностранному праву не известен соответствующий титул владения недвижимостью (например, право оперативного управления), соответствующее право на него не может и возникнуть, в частности, когда правовая система базируется на началах регистрации прав на недвижимое имущество — данное право не будет зарегистрировано. И это опять же подчеркивает общее свойство всех юридических лиц несобственников — их непригодность для экстерриториальной экономической активности, предполагающей приобретение недвижимости.

Конструкция юридического лица несобственника предопределяет наличие у соответствующих субъектов права следующих признаков:

— *отсутствие способности обладать правом собственности на любое имущество*. Лишение законом юридических лиц возможности обладать имуществом на праве собственности приводит к появлению нормативной конструкции юридического лица несобственника после законодательной фиксации круга характерных для них специфических титулов владения имуществом;

— *способность владеть имуществом на специфических титулах*, не характерных для других юридических лиц, физических лиц и публичных образований;

— *специальная правоспособность*, особенность которой заключается в прямо сформулированных законом запретах на участие в договорных отношениях конкретных типов;

¹⁶ Закон КНР о промышленном предприятии общенародной собственности 1988 г., принятый 1-й сессией Всекитайского собрания народных представителей седьмого созыва 13 апреля 1988 г. <http://www.legal-way.ru/corp18.php> (дата обращения: 23.02.2014).

— возможность совершения наиболее важных юридически значимых действий с согласия иного субъекта права (собственника имущества).

Отсутствие в силу закона возможности обладать имуществом на праве собственности — это базовый признак, позволяющий говорить о юридических лицах не просто как о явлении объективной действительности, а как о правовой конструкции.

В практике встречаются ситуации, когда юридические лица не обладают правом собственности на имущество или обладают незначительным по стоимости имуществом. Например, товарищества собственников жилья, разного рода потребительские кооперативы (дачные, садоводческие, гаражные) необходимы для организации деятельности граждан, направленной на удовлетворение личных, семейных и иных подобных нужд. Учреждение юридического лица в этой ситуации нужно для «управления» чужим имуществом, для рациональной организации работы по содержанию имущества, принадлежащего на праве собственности физическим лицам. Однако названные юридические лица в принципе могут владеть имуществом на праве собственности.

Аналогичным образом, государственная компания хотя и является некоммерческой организацией, созданной «с использованием государственного имущества на основе доверительного управления», но может обладать имуществом и на праве собственности.¹⁷ Опыт создания юридических лиц на основе государственного имущества, передаваемого в доверительное управление, в данном случае заимствован за рубежом, как отмечает С. О. Коротков: «В ряде зарубежных стран конструкция доверительного управления (фидейкомисс) используется как одна из форм управления государственным имуществом».¹⁸

Возможно также образование юридического лица с единственной целью приобретения в аренду предприятия как специфического объекта прав. Для такого вновь созданного субъекта права потребности в имуществе, которое принадлежало бы ему на праве собственности, может отсутствовать. Получаемые доходы такого участника экономического отношения будут распределяться, например, на уплату арендной платы, налогов, оплату труда персонала и выплату дивидендов участникам. По-видимому, можно смоделировать и иные ситуации, в которых юридические лица не будут иметь права собственности на какое бы то ни было имущество, играя при этом определенную социально ценную роль.

Существование ряда юридических лиц, которые не обладают имуществом на праве собственности, является следствием несовершенства человеческой природы, готовности идти на конфликт с законом ради личной выгоды. По-видимому, не требует доказательств существование «фирм-однодневок», юридических лиц, не имеющих активов, но используемых для придания той или иной деятельности видимости законной, юридических лиц, создаваемых заранее с целью «продажи», и т. п.

¹⁷ Пункты 1 и 3 ст. 7.2 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145). См. также: *Федеральный закон* от 17 июля 2009 г. № 145-ФЗ «О государственной компании "Российские автомобильные дороги" и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Там же. 2009. № 29. Ст. 3582. С. 8323–8380.

¹⁸ *Коротков С. О.* Юридическая природа права хозяйственного ведения. Дис. ... к. ю. н. Ярославль, 1999. С. 34. — В Мексике единым фидейкомитентом от имени государства выступает Федеральное министерство программирования и бюджета (*Сосна С. А.* Государственный сектор в экономике развивающихся стран. М., 1989. С. 189).

Конкретные юридические лица, не обладающие правом собственности на имущество, но принципиально могущие обладать таковым, выходят за рамки гражданско-правовой конструкции юридического лица несобственника.

Специальная правоспособность как юридическая категория не имеет прямого легального определения и не используется (как термин) в законе напрямую.

В. А. Бублик пишет: «Специальная правоспособность сохранена законом для государственных и муниципальных унитарных предприятий и некоторых видов коммерческих организаций, прямо указанных в законе (банки, страховые и инвестиционные институты). Для некоммерческих организаций, вовлеченных в экономические связи, хозяйственная правоспособность также должна носить специальный характер».¹⁹

Примечательно, что, согласно кодифицированному гражданскому законодательству, только унитарные предприятия являются коммерческими организациями со специальной правоспособностью. Хозяйственные товарищества и общества, производственные кооперативы обладают общей правоспособностью и вправе осуществлять любые виды предпринимательской деятельности, если иное не определено учредительными документами.²⁰ Иными словами, принцип общей правоспособности сегодня характерен для большинства коммерческих организаций, что значимо отличается современный подход законодателя к правоспособности юридических лиц от подхода советского периода, когда признавался исключительно принцип специальной правоспособности организаций.²¹

Сегодня из числа коммерческих организаций помимо унитарных предприятий юридическими лицами, обладающими специальной гражданской правосубъектностью, называют банки.²² Впрочем, правосубъектность банков А. Я. Курбатов противопоставляет специальной и называет ее исключительной.²³ Это свидетельствует о различном понимании значения термина «специальная правосубъектность» в науке, что имеет вполне объяснимые причины: в законе не только не дается соответствующее определение, но и не используется сам термин. Как следствие, специальную правосубъектность понимают в двух значениях: как возможность и способность совершать действия: (1) согласующиеся с учредительными документами, (2) входящие в перечень прямо названных в специальном законе допустимых сделок и «сопутствующих» им сделок, объективно необходимых для осуществления основной деятельности (банковской деятельности, страховой деятельности и т. д.).

Б. М. Гонгало пишет об унитарных предприятиях следующее: «Цели их деятельности не исчерпываются стремлением извлечь прибыль. Более

¹⁹ Бублик В. А. Публично- и частноправовые начала в гражданско-правовом регулировании внешнеэкономической деятельности. Дис. ... д. ю. н. Екатеринбург, 2000. С. 173.

²⁰ Пункт 18 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Пленума ВАС РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (Вестник ВАС РФ. 1996. № 6).

²¹ Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М., 1950. С. 194; Миколенко Я. Ф. Право кооперативной собственности в СССР. М., 1961. С. 58.

²² Тимофеев С. В. Правовое регулирование предпринимательской деятельности банков в Российской Федерации. Автореф. дис. ... д. ю. н. М., 2010. С. 10, 22.

²³ Курбатов А. Я. Правосубъектность кредитных организаций: теоретические основы формирования и проблемы реализации. Автореф. дис. ... д. ю. н. М., 2009. С. 6–7.

того, с точки зрения социально-экономической (а иногда и юридической) это вообще не основная цель».²⁴

С. А. Степанов, описывая круг ограничений, установленных для унитарных предприятий законом, приходит к выводу, что правоспособность данных юридических лиц было бы правильнее назвать ограниченной, а не специальной.²⁵

А. Я. Курбатов делает более общее, но согласующееся с приведенным ранее утверждение: «Из коммерческих организаций специальной правосубъектностью могут обладать только те юридические лица, на которые возлагаются иные цели деятельности, помимо получения прибыли».²⁶

В законодательстве логичным следствием установления общей правосубъектности для коммерческих организаций является обобщенное указание на основную цель их деятельности — получение прибыли (ч. 1 ст. 50 ГК РФ). И лишь учреждение унитарных предприятий подвергнуто регламентации в той части, которая касается экономических оснований для их создания: наряду с основной целью создания и деятельности обозначены и иные. Причем назвать эти цели дополнительными достаточно сложно: юридическое лицо, создаваемое для их достижения, далеко не всегда может преследовать извлечение прибыли в качестве основной цели.

Как видится, установление законом специальной правоспособности для всех юридических лиц несобственников (как для унитарных предприятий, так и для учреждений) является обоснованным, базируется на необходимости защиты публичных интересов, с одной стороны, и возможности контрагента получить сведения о целях деятельности организации, созданной государством или муниципальным образованием, — с другой. Контрагент всегда может обратиться к собственнику имущества учреждения или унитарного предприятия (точнее, *постоянно действующему* органу публичной власти) с запросом о соответствии договора, который планируется заключить без проведения конкурентных процедур, целям деятельности юридического лица.

Специфика правоспособности юридических лиц несобственников заключается в том, что круг сделок, которые могут совершить данные субъекты, дополнительно ограничен законодателем путем установления запретов и ограничений. Например, законодатель не допускает возможности быть доверительным управляющим учреждению даже в том случае, когда речь идет о доверительном управлении по основаниям, установленным законом, несмотря на то что для всех остальных некоммерческих организаций это допускается (абз. 2 п. 1 ст. 1015 ГК РФ). Согласно п. 10 ст. 161 БК РФ казенное учреждение не имеет права предоставлять и получать кредиты (займы), данному типу учреждений не предоставляются субсидии и бюджетные займы. В силу п. 1 ст. 5 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»²⁷ покупателем приватизируемого имущества не может быть унитарное предприятие, государственное или муниципальное учреждение.

Следует отметить, что ряд ограничений на участие юридических лиц несобственников в договорных обязательствах обусловлен характером

²⁴ Гонгало Б. М. Учение об обеспечении обязательств. М., 2002. С. 99.

²⁵ Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях». Науч.-практ. комментарий. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2004. С. 35.

²⁶ Курбатов А. Я. Правосубъектность кредитных организаций: теоретические основы формирования и проблемы реализации. С. 7.

²⁷ СЗ РФ. 2002. № 4. Ст. 251.

имущественных прав, которые могут возникнуть у них. Так, приобретение унитарным предприятием, казенным, бюджетным или автономным учреждением имущества по договору купли-продажи означает возникновение права собственности у публичного образования, а значит, о приватизации здесь идти речь не может по сути, по смысловой нагрузке соответствующего термина.

Возможность совершения наиболее важных юридически значимых действий с согласия иного субъекта права как признак, характерный для юридических лиц несобственников, относится не только к распоряжению имуществом (т. е. не только к содержанию правоотношений оперативного управления и хозяйственного ведения), но и к другим важнейшим управленческим решениям: внесению изменений в устав, реорганизации, видоизменению, учреждению других юридических лиц. Сказанное еще раз демонстрирует высокую ценность осмысления конструкции юридического лица несобственника как таковой, а не обособленного исследования отдельных имущественных прав учреждений и унитарных предприятий.

Сегодня число юридических лиц несобственников, созданных публичными образованиями, вполне сопоставимо с количеством учрежденных государством и муниципальными образованиями юридических лиц, обладающих имуществом на праве собственности. Так, Российская Федерация по состоянию на 1 января 2013 г. являлась собственником имущества 1795 федеральных государственных унитарных предприятий и акционером 2337 акционерных обществ.²⁸ Если принять во внимание то обстоятельство, что число унитарных предприятий, по данным Единого государственного реестра юридических лиц, значительно меньше числа учреждений, придется сделать вывод, что юридические лица несобственники хотя и исключительны по своему правовому положению, но широко распространены как участники гражданского оборота. Следовательно, изучение их правового положения, определение места в системе субъектов гражданского права и формулирование предложений по гармонизации статуса — важнейшие задачи отечественной цивилистической науки.

²⁸ *Распоряжение* Правительства Российской Федерации от 1 июля 2013 г. № 1111-р «Об утверждении прогнозного плана (программы) приватизации федерального имущества и основных направлений приватизации федерального имущества на 2014–2016 годы» // Там же. 2013. № 28. Ст. 3842.